

КУМА ДА КУМ НАСТАВЯТ НА УМ

Кто такие крёстные и зачем они нужны

Н. ПУШКАРЕВА

Когда мы размышляем о воспитании, то мало задумываемся о том, что может дать нашим детям поддержание тесных контактов не только с дедушкой, бабушкой, дядями или тетями, но и с дальними родственниками. Нам, занятым, вечно куда-то спешащим, кажется подчас обременительным общение с многочисленной роднёй, и мы утешаем себя тем, что «большая семья» с регулярными общими застольями и домашними праздниками ушла в прошлое. Но не обедняем ли мы тем самым наших детей? Да и так ли это прошлое невосвратно?

Обращение к истории русской семьи, тесно сплетённой в прошлом России с православными традициями и ценностями, позволяет обнаружить проверенный веками, удобный и ёмкий путь для вдумчивого, направленного семейного воспитания и родственного общения. Речь идёт об институте крёстничества.

В традиционной русской семье неокрещённый в церкви ребёнок казался вдвойне беззащитным перед огромным миром, в который он приходил. Поэтому с первых дней жизни малыша родители считали необходимым позаботиться не только о его физической жизнеспособности, но и о приобщении к христианской вере. Это приобщение совершалось в ходе особого церковного таинства — Крещения. Рациональный смысл этого таинства — троекратного погружения в воду, призывов к Богу Отцу, Сыну, и Святому Духу — сводился к наречению именем, а символический означал *возрождение окрещаемого из жизни плотской в жизнь духовную*.

Крещение на Руси издавна считалось вторым рождением, причём более важным, чем первое, физическое: это было рождение человека, созданного *по образу и подобию Божьему*. С таинством Крещения ребёнок становился христианином: он получал не только имя, но и хранящего его до самой смерти ангела-заступника. Потому-то в народе и говаривали: *«некрещёный ребёнок — чертёнок»*, существо без имени и без высшей оберегающей силы. Бытовали и иные поверья, о том, что *души неокрещённых превращаются в птиц и летают, вьются неподалёку от дома — просят имени*.

В некоторых семьях детей крестили сразу после послеродового омовения, особенно если малыш рождался слабым и была угроза его жизни. Тогда в нарушение церковных правил повитуха-христианка могла *окрестить ребёнка в лохани домашним способом, взяв святую воду и три раза полив ею голову младенца*. При поливании полагалось призывать в помощь Господа (*«Во имя Отца и Сына и Святаго духа, аминь...»*), а при последнем обливании дать новорождённому имя.

Чаще, однако, таинство крещения совершалось в церкви священником на третий или восьмой день после рождения младенца. Такая практика позволяла

45

Управление
и проектирование
[53 - 72]

родителям подготовиться ко дню крестин, уговориться с теми, кого они избрали на роль лиц, принимающих младенца от купели (восприёмников).

Восприёмники, кумовья — «божатки»

Согласно церковным правилам, лиц, присутствовавших при крещении и принимавших ребёнка от купели, должно было быть двое: один — мужского, другой — женского пола. После обряда они становились *крёстными* малыша: крёстный-мужчина, по обычаю, символизировал второго отца, а крёстная — «мать». Таким образом, окрещаемый ребёнок получал вторых, духовных родителей, или, как их именовали в народе, *божаток* — крёстную мать и крёстного отца. Причём крёстные считались отныне самой близкой роднёй: «*духовное родство пуще плотского*».

Родителям новорождённого, а также друг другу *крёстные* приходились кумовьями.

В крёстные в русских семьях звали, как правило, соседей и друзей нестарых (а иногда и совсем юных, отроков, подростков — «*лишь бы могли держать ребёнка*», о чём подчас специально спрашивали разрешения их родителей). Многие родители считали, что для ребёнка более важны не положение крёстного, не его обеспеченность (которые приходили, как правило, с годами), а его здоровье и молодость. Считалось, что восприёмники должны «*передавать крестникам свои силы и здоровье*» и уж во всяком случае могли бы дожить до их свадьбы. По обычаю, именно крёстным, помимо родителей, полагалось благословлять на брак молодых и быть на свадьбе посажёнными отцом и матерью.

«При куме не жить, а без кума не быть»

Ни один православный человек не мог оказаться без крёстных, как и его родители — без друзей, избранных ими на эту роль («без кума не быть»). Но крёстные, как правило, жили отнюдь не вместе, не в одном доме со своими воспитанниками, равно как и родители окрещённых видели в кумовьях близких друзей и соседей. И только. Часто с крёстными видеться было не совсем принято — только если праздник или нужда в помощи: «*Кумушка-кума, окрести моё дитя, да и не знай моего двора!*».

При выборе восприёмника из числа соседей главной считалась репутация. На роль крёстного или крёстной во всех русских деревнях принято было звать тех, кто *побогаче, поумнее да покрасивее*. Людей с физическими и моральными недостатками, а также вдов и вдовцов, да просто людей неудачливых, несчастливых, а особенно бездетных (какими бы высокоморальными они ни были) в крёстные звать избегали. «Родителей не выбирают» — гласила русская поговорка, а вот крёстных родителей выбрать было можно, и делала это родня. Ребёнок, повзрослев, вправе был упрекнуть родственников, если они выбрали ему «не тех» духовных родителей. Своими крёстными принято было гордиться!

Лишь в некоторых местностях существовал обычай звать в крёстные «*первого встречного*» (обычно ему следовали в тех семьях, где дети «не стояли», то есть часто умирали). В этом случае отец ребёнка выходил за порог и ждал появления достойного с виду человека, которому и предлагалось стать крёстным.

Хотя прохожий не был, строго говоря, *первым* встречным, считалось, что его согласие будет лучшим обеспечением его жизни и на всём её протяжении крестнику будет сопутствовать успех, лёгкость в достижении целей, удача.

Как правило, кумовья (восприёмники) не были связаны друг с другом супружескими отношениями или иным близким родством. Это обеспечивало крестнику перспективу защиты и материальной поддержки сразу двух семей, не считая родительской. Подчас от самих крёстных (отца и матери) благорасположение друг к другу и не требовалось; случалось, могли позвать в восприёмники и людей из враждующих, но зажиточных семей, чтобы добиться опять-таки максимальной защищённости и благополучия ребёнка в будущем. Такую ситуацию отразило присловье, записанное В.И. Далем: «*Кумиться — кумитесь, да не подеритесь!*». В идеале люди, связавшие себя духовным родством (то есть кумовья), — уже должны были относиться друг к другу уважительно и ответственно. Ссоры между «покумившимися» семьями рассматривались как грех с грустными последствиями: «*Бог счастья не даст*». Кум и кума не могли срамословить друг при друге или при кровных родителях своего крестника, показываться раздетыми или одетыми неряшливо, женщинам не положено было показывать волосы («опростолошиваться»).

Когда родители новорождённого приходили звать друга или соседку в крёстные, то отказываться от восприёмничества без веских на то причин не полагалось. Да никто и не пытался: участие в каждом крестильном празднестве считалось «*ступенькой лестницы, ведущей в небо*», то есть путём духовного самосовершенствования. Быть крёстным отцом и матерью даже добрачного или внебрачного ребёнка, *крапивника* (незаконнорождённого) было даже не то, чтобы почётно... Иногда — да, почётно, но всегда расходно (ведь крёстные должны были дарить подарки и быть внимательными к нуждам крестника). Однако восприёмничество, как верили, приносило счастье в любви, обещало успешность в делах. Кто же от такого откажется?

Кум с кумою, как брат с сестрою

Близость и ответственность людей, связавших себя духовным родством, согласно церковным нормам, исключала саму возможность соединения какими-либо брачными узами. Это касалось не только самих кума и кумы, но и восприёмника с его крестницей или с её матерью, если последняя оставалась вдовой (такой же запрет действовал и для восприёмницы с крестником или его отцом). Запрещение касалось также всех потомков и близких родственников кума и кумы, ведь все они после совершения церковного таинства переходили в категорию *прикумков* — духовных или крёстных сестёр и братьев. Особенно строгими эти запреты были в среде старообрядцев.

Жизнь, конечно, брала своё. Куму с кумой позволено было (и даже было положено) целоваться при людях по-родственному, оказывать другу другу знаки внимания. Не удивительно, что противозаконные и предосудительные (так как считались кровосмесительными) связи между ними возникали в русских деревнях довольно часто. «*То не кума, коль под кумом не была*» — посмеивалась народная присказка. Некоторые учёные-этнографы считают, что подобные отношения между кумовьями были пережитком кровнородственных браков (ведь

кум с кумою считались «как бы родителями», то есть были «как бы в браке, как бы супруги»). Однако «оформлять» эти отношения в реальности, а тем более заводить потомство от них мало кто решался. Считалось, что за нарушение предписания Господь накажет ребёнком-уродом.

Особенно строги народная молва, да и церковный закон были в отношении крестниц и их восприёмников. Описанный в пушкинской «Полтаве» эпизод из жизни Мазепы, который влюбился в собственную крестницу — дочь друга и соседа, Марию Кочубей (из-за запретного чувства к которой он и решился на государственное преступление!), имел под собой реальные основания.

*Бесстыдный! Старец нечестивый! Возможно ль?
Нет, пока мы живы, Нет, он греха не совершит!
Он должен быть отцом или другом
Невинной крестницы своей...
Безумец, на закате дней
Он вздумал быть её супругом!..*

Мазепа надеялся бежать с Марией в «Карлову страну», то есть в Швецию, и там скрыть наличие духовного родства... Трудно представить себе, какую концовку, кроме трагической, мог иметь этот «грех непрощённый». В любой русской деревне такой поступок считался бы глубоко безнравственным, к тому же он обещал проклятье всего рода, всех последующих поколений. Известно, что молодые люди из одного селенья, которые имели (всего лишь) общего крёстного или крёстную и могли, в принципе, обвенчаться, всё же старались для создания семьи искать себе пару подальше (согласно поговорке — «за семь деревень»), дабы избежать пересудов.

«Что в имени тебе моём?»

Обряд Крещения означал, как известно, не только утверждение в общественном мнении духовных родителей новорождённого, но и выбор имени для него. «Назвать человека, дать ему имя — значит преодолеть хаотическую текучесть жизни, сделать мир осмысленным» — считал великий русский философ А.Ф. Лосев.

Это ответственное дело возлагалось в былые времена отнюдь не на родителей, а на священника и будущих крёстных. Именно по согласованию с ними священник и останавливал той или иной выбор, ориентируясь на список дней памяти различных святых, в просторечии именуемый *святыми*. Одновременно каждый священник ориентировался и на имена, популярные в данной местности. Мальчика следовало называть по имени святого, чей день соответствовал дню появления малыша на свет или был *после* него. Девочку, по обычаю, нарекали именем святой, соответствующей её дню рождения или ближайшим дням *перед* ним. Лишь со второй половины XIX века в церковные правила была внесена поправка, позволяющая родителям (часто после обсуждения с будущими крёстными) самим выбирать имя, сообразуясь с семейными традициями.

Безымянных некрещённых детей в русских деревнях нередко называли Иванами и Марьями. Чаше, впрочем, родные избегали как-либо именовать некрещёного новорождённого.

Будущие крёстные, помогая священнику в наречении младенца, старались соблюсти давний обычай — давать ребёнку имя самого удачливого и здорового родственника в его семье, желательно — долгожителя. Считалось, что в этом случае ребёнок унаследует жизненные качества человека, в честь которого он назван, а возможно, и повторит его жизненный путь.

Весьма распространённым был обычай давать внукам имена бабушек и дедушек, особенно если дети были крепкими и здоровыми, а предков, напротив, уже не было в живых. Именами отцов и матерей старались называть слабых, хилых младенцев (так появлялись Иваны Ивановичи, Пал Палычи и т.д., когда родные вынуждены были торопиться, пока ребёнок ещё дышит (то есть когда имянаречение и крещение были экстренными).

Единственной оговоркой и условием подбора имени родителями, а не священниками к началу XX века стало его наличие в православных святцах. И всё же самые благочинные матери и отцы по-прежнему считали, что лишь духовник способен правильно назвать ребёнка, а присутствие нарядных, нагруженных подарками крёстных необходимо при этом, чтобы сделать обряд действительно торжественным.

Святой день

В день крещения главными действующими лицами становились повитуха и крёстные.

Крёстные, по обычаю, должны были оплатить и саму процедуру крещения.

В назначенное утро повитуха тщательно купала ребёнка, после чего клала его на мягкий вывороченный мех под иконы, в святой угол (*«да будет жизнь его обильна так же, как обильна волосом постель его»*). После этого младенца заворачивали в отцовскую или материнскую рубаху, в рукав которой клали краюшку хлеба (*«на счастье»* и как оберег). Перед отправкой в церковь все присутствующие присаживались на минутку за накрытый свежей скатёртью стол (как перед дальней дорогой), в центре которого должен был стоять каравай с солонкой. Кровные («плотские») родители благословляли крёстных *«на святое крещение»* и в дальнейшем, по обычаю, присутствовать на церемонии не могли: мать младенца считалась «нечистой» до 40-го дня, и эта «нечистота» распространялась в известной степени и на отца.

Воду для крещения должен был принести будущий крёстный отец. Это сейчас в церквях проблем с водой не бывает, хотя её должно было быть достаточно, не менее двух вёдер (*«а то жизнь будет неполной»*) — в позапрошлом же веке наносить два-три ведра в купель должен был сильный, здоровый восприёмник.

В русских деревнях воду чаще всего подогревали и лишь у староверов в Сибири принято было крестить младенцев в холодной, зимой — даже в подёрнутой льдом купели (*«не то хилjak вырастет»*). После прочтения соответствующих молитв и совершения церемонии погружения ребёнка или троекратного обливания его головки крестильную воду выливали. Важно было лишь, чтобы её никто не осквернил, поэтому выливать крестильную воду старались в протоку (в реку, в ручей) или на огород.

Полотенце для вытирания рук священника, крестильный крестик и *ризки* (кусочек чистой белой ткани, аналогичный *ризам*, в которые завернули Христа)

для спелёнывания ребёнка после таинства, а также всю крестильную одежду готовила и приносила крёстная мать. Крестильная одежда должна была быть нарядной, радующей глаз и идеально чистой. Во многих семьях вышитые или украшенные тонким ажурным орнаментом, выстиранные и накрахмаленные крестильные сорочки принято было хранить и передавать последующим поколениям, чтобы, спустя положенный срок, одеть в неё своих детей, внуков или крестников.

При совершении таинства знающие люди зорко наблюдали за ребёнком в купели. Считалось, что если он скрючит ножки — то *«будет крепок»*, если шарик из воска с отрезанными волосами не утонет — то *«проживёт долгую жизнь»*. Ничего хорошего не ждали от человека, кому священник надел наизнанку крестильную рубашку или помазал мирром не правую, а левую ножку. Говорили: *«о, не пойдёт он по заповедям Господним»* или: будет *«сильно маяться»*, проживёт *«не как все»*.

После крещения все присутствующие ехали той же дорогой, что и в церковь — обратно в дом новорождённого, где крёстные вручали ребёнка родителям со словами: *«Вы вручили дитя молитвенное, получите же окрещенное»* и сообщали наречённое имя.

Родители младенца ожидали весь крестильный *«поезд»* с нетерпением, накрыв на стол и приготовив вышитое полотенце с хлебом-солью. Если повитуха не ездил с крёстными в церковь, то она встречала приехавших в шубе мехом наружу (это служило, как и в других обрядах, оберегом и пожеланием крестным богатства). С давних пор в некоторых русских селениях существовал обычай, согласно которому, если в семье дети часто умирали, то крёстные передавали их родителям с улицы через окно (дабы обмануть «злых духов»). Окрещённых детей принято было класть на ту же шубу под образами, на которой они лежали перед поездкой в церковь. Рядом родители и другие приглашённые клали монетки высокого достоинства. Иногда их вкладывали в ручку или просто проводили по ладошке. Счастливые родители благодарили крёстных «за труды» и щедро одаривали их.

Царские крестины

Венценосных особ крестили в России публично, при большом стечении народа, через восемь дней после появления на свет или немного позже. Во времена Петра Великого на церемонии крестин велено было присутствовать всем министрам-сенаторам и иностранным посланникам.

Восприёмниками царских детей становились обычно лица высшего духовного звания (патриархи), члены правящей царской семьи или же достойные лица из числа иностранцев. Например, у царевича Петра Петровича крёстными стали европейские короли-католики — датский и прусский. В заключение крестильной процедуры царь и царица одаривали крёстных малыша и его самого щедрыми подарками. По свидетельству датского посланника Юст Юля, жившего при русском дворе в начале XVIII века, «обычай этот существовал в русской церкви с незапамятных времён», и дары ребёнку совершались *«в воспоминание того, что волхвы после рождения Христа подносили ему золото»*.

[15 - 30]
Методология
воспитания

50

«Добрая кума прибавит ума» или Зачем они нужны, эти крёстные?

По старому обычаю, главным делом крёстных была готовность взять на себя все функции кровных родителей, если с ними случалось какое-либо несчастье. К крёстным ребёнка (то есть к своим кумовьям) обращались с последней просьбой («доглядеть», «не оставить») умирающие.

В обычной же жизни к куму и куме чаще всего ходили в гости. Не случайно в народе сложилось шуточное присловье: «Челом куме! — Сядь. — Почто пришла? — Да так...» Именно к кумовьям забегали без приглашения, запросто, именно с ними советовались в первую очередь по поводу воспитания. Подросшие девочки рассказывали о первой любви, о приглянувшемся юноше не матерям, а крестным, у них искали ответов на трудные вопросы, поддержки. Многие из того, что родной матери было рассказать трудно, крёстной рассказывать просто полагалось.

По обычаю именно крёстным следовало обучать ребёнка грамоте и практическим навыкам, а также нравственно «направлять» и духовно воспитывать. Не случайно, в деревенских семьях именно восприёмники учили своих подопечных основным нравственным качествам — спокойствию, терпению, умению прощать и просить прощения, доброте и порядочности. На Смоленщине с древних времён существовал обычай «испытывать» жениха на свадьбе, давая ему в руки лавку, табуретку или скамейку, на ножки которой намотаны тонкие нити. По правилам, жениху следовало по очереди порвать их все до единой, приговаривая ласковые слова в адрес жены («Умница-разумница, красавица-хозяйюшка...»). Если молодому не хватало выдержки и он не проходил испытания — вину крестную: «Не догляде-еела!»

Заступническая молитва восприёмников считалась всегда более действенной, чем причитание родных родителей и способна была, по поверью, «со дна моря поднять, отмолить любой грех». Но коли про неблаговидный поступок крестницы или крестника узнавали родственники и соседи, взыскивали за него не только с совершившего, но и с его крёстных. Так, на них распространялись позорящие наказания (надевание соломенного хомута на шею), если их крестница «замуж пошла нечиста» (не сохранила девства).

Когда в доме чего-то не хватало, крестники первым делом бежали к своим «духовным родителям» — попросить, безвозмездно «занять». Дети ожидали от крёстных на праздниках самых дорогих и красивых подарков. Часто то, в чём отказывали родные родители, просили у крёстных — отказывать крестникам считалось «зазрительно» (совестно).

Мальчишки и девчонки, а также их родители

«В нынешнее время и любовь, и почтительность принимают «облегчённые», «упрощённые» формы», — сокрушался столетие назад выдающийся русский философ С.Е. Трубецкой, вспоминая, что во времена его детства родственники и крёстные «были источниками и центрами любви и непререкаемого авторитета, были окружены каким-то ореолом, который незнаком нынешнему поколению...». Родившийся несколькими десятилетиями ранее него Л.Н. Толстой

КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ

вспоминал о своей крёстной Татьяне Александровне, что она *«имела самое большое влияние»* на его жизнь». *«Ещё в детстве, — вспоминал писатель, — она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью... Я понял счастье любви. Это — первое. Второе — то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни...»*

В автобиографии С.В. Образцова, замечательного театрального деятеля, создателя всемирно известного московского Театра кукол, также сохранились удивительно тёплые слова в адрес его крёстной, тети Капы, которая была *«третьей по любви к ней после родителей, и любовь эта основывалась на глубоком уважении и непререкаемом её авторитете во всём»*. Он запомнил её человеком *«требовательным к людям, честным и добрым, лишённым какого бы то ни было сантимента»*, убившим к тому же в нём, маленьком, опасную *«бациллу тщеславия»*. Но главным во взаимоотношениях крёстной и крестника было то, что около тёти Капы никому *«нельзя было бездельничать»*. Именно она, по словам С.В. Образцова, научила его *«работать на огороде и на пчельнике, косить, запрягать лошадь, штопать чулки и даже вышивать метки на полотенцах!»*. Перечисленные Образцовым навыки, без разделения на «мужские» и «женские», оченьгодились ему в будущем, и он гордился тем, что умеет благодаря тете Капе буквально всё.

Современные дети, многие из которых были даже окрещены в церкви, мало знают о своих крёстных. Они не слишком часто видятся с ними, да и общение сводится к получению подарков, а вовсе не к душевным беседам. Что и говорить о тех детях, которые растут в атеистических семьях... Современная родственная разобщённость, занятость родителей, отсутствие единения в своих возрастных группах приводят к тому, что число детей, страдающих (иногда не совсем осознанно) от тяжело переживаемого одиночества, от отсутствия авторитетного и уважаемого взрослого, с которым можно поделиться сокровенным, быстро растёт.

Дети, уже не видящие матери и отца в общении с многочисленной роднёй, с радостью ждут встреч и праздников, куда приглашаются «друзья дома», знакомые из родительского круга. Иногда среди них попадают и очень долголетние, закадычные друзья отца или матери, без которых не обходится ни одно семейное торжество. *«Они могут и должны брать на себя функции крёстных — в этом можно было бы видеть и сохранение традиции, и практический смысл»*.

Это часть русской воспитательной традиции, которую в век разобщённости и индивидуализма жалко терять.

[15 - 30]
Методология
воспитания

52